

Скандалъ въ елисаветградскомъ театрѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Бенефисъ артистовъ сезонной группы обыкновенно вызываетъ болѣе или менѣе бурное выраженіе симпатій виновникамъ торжества. На этой почвѣ 23 поября разыгрался у насъ, вопреки ожиданіямъ, скандалъ-моветуръ съ шикаремъ, свистомъ и „мордобойствомъ“, учиненнымъ изъкоторыми „артистами“ надъ молодымъ человѣкомъ. О—мъ, заподозрѣннымъ въ выраженіи неодобренія по адресу бенефициантки г-жи Орловской.

Шла пьеса Дж. К. Джерома — „Мнесь Гоббсъ“ съ г-жей Орловской въ заглавной роли. Театръ былъ переполненъ. Первой на сцену вышла пользующаяся симпатіями интеллигентной молодежи дѣйствительно даровитая артистка г-жа Рамина. Галерка разразилась громомъ аплодисментовъ и начала бросать въ г-жу Рамицу цвѣты и серпантинъ. Инициатива галереи была поддержана также частью фешенебельной публики, и артисткѣ пришлось замолчать на 1—2 минуты, пока страсти улеглись. Когда же затѣмъ на сценѣ появилась г-жа Орловская, то къ шумнымъ аплодисментамъ присоединилось весьма явственное шикалье... Такой „аккомпанментъ“, конечно, взволновалъ и обезкуражилъ бенефициантку, которая потеряла равновѣсіе и уже въ теченіе всего спектакля чувствовала себя какъ бы не въ своей тарелкѣ. Тѣмъ не менѣе г-жѣ Орловской послѣ перваго акта поднесена была корзина цвѣтовъ, затѣмъ перетень и наконецъ выштрипанный билетъ дворянскаго займа!

Инцидентъ былъ бы печерпанъ, если бы за кулисами сумѣли отнестись къ нему благоразумно и сдержанно. Но на бѣду изъкоторые „артисты“ на ряду съ заплетающимися языками обладаютъ, повидимому, развязными руками. Эти „служители искусства“ рѣшились проучить дерзновенныхъ „шкунюновъ“, хотя бы въ лицѣ одного пзвѣстнаго имъ О—го, который одно время состоялъ

перенесчикомъ ролей. Послѣ 2-го акта молодой человѣкъ пригласилъ за кулисы. Черезъ нѣсколько минутъ юноша выскочилъ оттуда, какъ ошпаренный, съ опухшимъ и окровавленнымъ лицомъ.

Публика, узнавъ въ чемъ дѣло, начала громко выражать свое негодованіе по поводу этой возмутительной кулачной расправы. На разспросы окружающихъ, избитый назвалъ имена артистовъ—Олигина, Таланева и Дѣбирова. Подосѣвшая полиція убрала юношу, отправивъ его домой. Въѣтъ объ избіеніи О—го съ быстротой молніи достигла галереи и вызвала тамъ взрывъ негодованія. Какъ только Олигинъ въ началѣ 3-го акта появился на сценѣ, съ галереи раздался оглушительный крикъ: „Долой Олигина! вонъ его за побой!“ Г. Олигинъ старался придать своему лицу презрительное выраженіе и закончилъ возгласомъ на къ селу, на къ городу, — „благодарю!“ Это почему-то очень понравилось изъкоторой части публики, не знавшей, впрочемъ, объ учиненномъ „мордобойствѣ“, и она на безсмысленное „благодарю“ отвѣтила аплодисментами. Противная сторона, конечно, не осталась въ долгу, и въ театрѣ на нѣкоторое время воцарился форменный хаосъ.

Все-таки спектакль кончился благополучно, по слѣдуетъ замѣтить, что при отсутствіи истинной нравственной связи между публикой и труппой, разыгравшей инцидентъ окажется чреватымъ изъкоторыми послѣдствіями, едва-ли приятными для „артистовъ-мордобойцевъ“. Во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ съ негодованіемъ говорятъ объ этомъ опытѣ жумливигованія у насъ свособразныхъ „артистическихъ“ приемовъ для пріученія публики къ возданію незаслуженныхъ похвалъ и къ единоголосному признанію спорныхъ талантовъ... Во всякомъ случаѣ весьма желательно, чтобы нашъ доселѣ мирный и скромный храмъ Мельпомены не осквернялся болѣе безобразіями, пристойными развѣ балаганамъ.